

"Рейко, - сказал я, остановившись при виде стоящей передо мной женщины. Первая пациентка за пределами моей семьи, которую я когда-либо лечил. Обычно она приходила ко мне только в случае серьезных проблем.

"Сэнсэй", - ответила она, усмехнувшись, хотя ее тон казался натянутым. Хотя улыбка была расслабленной, напряжение в ее плечах выдавало ее беспокойство. "Извините, что беспокою вас в такой неподходящий час, но одна из новых девушек - Мива - пострадала. Один из ее постоянных клиентов иногда увлекается, но она не может ему отказать". Другими словами, он был слишком важной персоной, чтобы рисковать его обидеть.

Я сжал челюсть, но кивнул в знак понимания. К сожалению, подобное случалось слишком часто, чтобы я мог чему-то удивляться. Прихватив свои припасы, я последовал за Рейко по слишком знакомому пути в квартал красных фонарей. Проскользнув в заднюю дверь, я кивком поприветствовал мать, управляющую борделем.

"Она в предпоследней комнате справа". сказала она, ведя меня по коридору. "Спасибо, что сделали это, сэнсэй".

"В любое время", - ответил я, но тут же напрягся, увидев девушку, сидящую на диване. Девочке - Миве - физически было не больше тринадцати лет, и, судя по пустому взгляду ее глаз и следам слез, бегущим по лицу, она недолго пробыла в загробном мире.

"Мива-чан?" тихо позвала Рэйко, сидя рядом со мной. Я не могла оторвать глаз от хрупкого худенького ребенка с поникшей головой. словно красивая фарфоровая кукла с трещинами, лежащими под поверхностью и не поддающимися восстановлению. Мой взгляд задержался на следах от шнурков на ее запястьях и шее, на свежем пурпурном синяке под глазом. Прошло более полувека, а я все еще не мог смириться с тем, что на ее месте мог лежать сломанный я. Если бы мне пришлось провести еще один год в одиночестве... если бы Тацуя не нашел меня...

Я покачал головой, прерывая ход своих мыслей. Бесполезно размышлять о том, что было бы, если бы или могло быть. Мне повезло: от проституции мне никогда не приходилось отказываться, и Рукию тоже не заставишь к ней прибегнуть. Все, что я могла сделать сейчас, - это постараться помочь тем, кому не так повезло.

"Рэйко, не могла бы ты принести мне теплой воды?" тихо попросила я. Мива по-прежнему не двигалась. Она кивнула и через пять минут вернулась с ведром теплой воды и несколькими чистыми полотенцами. Медленно, осторожно, словно приближаясь к опасному животному, я подошел к девушке, которая в другой вселенной могла бы быть мной. Убедившись, что всегда нахожусь в поле ее зрения, я опустил на колени рядом с ней.

"Привет, Мива-тян", - мягко сказал я, стараясь говорить как можно спокойнее. "Я Хисана - подруга Рэйко. Я обещаю, что не причиню тебе вреда. Ты не будешь на меня смотреть?"

Я наблюдал, как большие карие глаза медленно моргали, и Мива постепенно поворачивала свое лицо к моему. Когда она посмотрела мне прямо в лицо, я утешительно улыбнулся - той же

улыбкой, что и Рукия, проснувшись от кошмара, - и постарался смотреть как можно менее угрожающе. Должно быть, она увидела что-то, что ее успокоило, потому что я увидел, как она бесконечно расслабилась.

"Ты знаешь Рейко?" спросила она тоненьким голоском. Краем глаза я заметил, как Рейко подалась вперед.

"Да, знаю. Это она привела меня сюда, и она очень беспокоится о тебе". Очень осторожно я протянул руку и взял одну из ее рук в свою. То, что она не отшатнулась, я воспринял как хороший знак. "Ты разрешишь мне лечить тебя, Мива?" спросил я, специально опустив милое обращение "чан". Если я что-то и понял о жертвах изнасилования, так это то, что им необходимо чувствовать хоть какое-то подобие контроля. Какое-то время я просто смотрел Миве в глаза, безмолвно прося ее довериться мне, но при этом изо всех сил стараясь дать понять, что никогда не предаю это доверие. Спустя, казалось, целую вечность, она кивнула.

Решив начать с малого, я опустил небольшое полотенце в ведро с теплой водой и отжал его так, чтобы оно было лишь слегка влажным. Поднеся теплую ткань к щеке Мивы, я осторожно вытер слезы и пот, покрывавшие ее лицо, и продолжил разговор.

"Ты когда-нибудь видела, как кто-то использует исцеляющее кидо?" спросил я. Она покачала головой, выглядела смущенной, но любопытной. Это было гораздо лучше, чем то пустое, потерянное выражение лица, которое было у нее раньше.

"Нет. А что это такое?" спросила она. Рядом со мной Рейко усмехнулась.

"Это самая крутая вещь на свете. Мива-тян, - успокоила она ее, - сэнсэй делает какое-то странное преобразование с энергией духа, отчего ее руки светятся зеленым. Затем она прикладывает руки к тому месту, где тебе больно, и пуф! А потом ты как будто и не болела вовсе". Я хмыкнул, услышав, что логика исцеления кидо сводится к "какому-то странному обращению духа, от которого травмы исчезают", но был вынужден слегка улыбнуться, увидев очарованное выражение лица Мивы. Значит, не все так плохо.

"Все немного сложнее, но суть такова". сказал я. Потянувшись к уже знакомому колодцу силы внутри себя, я направил нити энергии к своим рукам, вливая в них мысли об исцелении, восстановлении и росте. Через несколько секунд мои руки засветились мягким зеленым светом. Медленно протянув руку, я осторожно прикоснулся кончиками пальцев к синяку на лице Мивы и сосредоточился на том, чтобы зашить лопнувшие капилляры и разорванные ткани внутри. Через несколько минут я откинулся на спинку кресла и с удовлетворением посмотрел на теперь уже не запятнанную кожу. У меня всегда лучше получалось лечить тех, кого я действительно хотел сделать лучше. Манипулирование энергией духа, будь то исцеление или вред, зависело от намерения. Облегчение боли Мивы, конечно, доставляло мне гораздо больше удовольствия, чем, скажем, латание бандитов Оширо, но я не мог выбирать пациентов.

Закончив с ее лицом, что заняло всего несколько минут - вероятно, больной хотел, чтобы ее

лицо осталось нетронутым, - я перешел к следам от веревки на шее, изо всех сил стараясь не гримасничать. Ками, я ненавидел этих ублюдков, которым доставляло удовольствие душить своего партнера. С практической легкостью отодвинув гнев, кипевший в животе, я снова покрыл руки зеленым. Наполняя тело Мивы своим реяцу, я чувствовал, почти ощущал, каждую разорванную ткань, каждое кровоизлияние в мышцу. На моей шее появился неприятный фантомный зуд - воображаемое эхо следов на ее шее. К счастью, хотя следы от перевязок были сложными, их заживление не было таким уж утомительным. А вот следы от кнута на ее спине - совсем другое дело. К тому времени, как я залечил все царапины - к чертям собачьим, если уж Миве пришлось иметь дело с плетью и почти удушением, то я мог смириться с небольшой усталостью, - было уже далеко за полночь.

"Как ты себя чувствуешь?" спросил я, откинувшись на спинку кресла и устало вытирая лицо полотенцем. Мива поднесла руку к шее с чем-то похожим на удивление. "Больше не болит". Она резко села. "Это было так странно! Как будто кожу покалывало, но в то же время было тепло". Она посмотрела на меня, глаза возбужденно блеснули. "Как ты это сделала? Можешь научить меня?"

Я открыл было рот, чтобы мягко отказаться - как бы я ни ненавидел это, я не мог спасти каждую девушку от проституции, - но остановился и посмотрел на Миву, обдумывая варианты. Пока я лечил Миву, я заметил, что уровень реяцу у нее выше среднего. Не очень много, конечно, не так много, как у меня или даже Рукии, но достаточно, чтобы быть полезным, когда я лечил ее. Лечить кого-то было намного проще, когда я мог просто направить его собственное реяцу, чтобы сделать эту работу (мне стало интересно, каково это - лечить шинигами). Поэтому вместо того, чтобы выстрелить в упор (чего она ожидала, судя по опущенным глазам и ссутулившимся плечам), я спросил: "Ты когда-нибудь чувствовала голод, Мива-чан?"

Она подняла голову и бросила на меня смущенный, но полный надежды взгляд. Тем временем Рэйко недоуменно смотрела на меня.

"А? Ну, наверное, иногда. Не часто - может, раз в неделю, - но я люблю поесть. Почему?"